

ДЖ. Н. МОХАНТИ

Понятие «психологизм» у Фреге и Гуссерля¹

Фреге и Гуссерль знамениты своей борьбой с философской позицией, известной под названием «психологизм». В этой работе я сначала рассмотрю природу психологизма в общем смысле, а затем перейду к конкретным видам психологизма, против которых выступили Фреге и Гуссерль. Затем я проанализирую аргументы, выдвинутые этими мыслителями против данной позиции. В заключение я поставлю вопрос о том, насколько возможно придерживаться радикальных антипсихологистских взглядов.

Психологизм: союзник идеализма или натурализма?

Пора признать, что в основе выступления Фреге против психологизма не могла лежать идея опровержения идеализма Гегеля. Идеализм Гегеля в последней части XIX века перестал быть ведущей философской теорией, а некоторые философы даже рассматривали психологизм как способ исправления сомнительных крайностей идеализма гегелевского типа. Например, как отмечает Фрэнк Кирклэнд (1993), психологизм Якоба Фриза был разработан как анти-гегелевская позиция. Кирклэнд цитирует два отрывка из Гегеля, недвусмысленно показывающих его крайнюю враждебность к введению в логику психологических посылок. Точно так же, как Фреге и Гуссерль, Гегель настаивает на разделении *Vorstellung* и *Gedanke*². Для Гегеля *Vorstellung* является мышлением в образах, которое нужно отличать от чистого мышления. Мышление в образах — союзник натурализма, основывающего свои категории на вещах, находящихся вне области логики.

¹ Перевод выполнен А. А. Веретенниковым по изданию: *Philosophy and Rhetoric*, Vol. 30. No. 3. 1997.

² Представления и мысли (нем.) — Прим. перев.

Чистое мышление выводит свои категории из своего собственного внутреннего развития. Как следствие, Кирклэнд приходит к утверждению, что критика Гегелем психологизма есть лишь частный случай его общей критики мышления в образах, которая, в свою очередь, является косвенной критикой натурализма. Может показаться, что, скорее всего, критика психологизма Фреге является не критикой гегелевского идеализма, а частью его общего отрицания натурализма. Адресованное Гуссерлю обвинение в сведении всего объективного к субъективному, показывающее, что психологизм ведет к разновидности феноменализма, появившееся в рецензии Фреге на книгу Гуссерля «Философия арифметики» (*Philosophie der Arithmetik*, 1894), только еще более запутало связь между психологизмом и натурализмом. Майкл Даммит пришел к выводу о связи между психологизмом и идеализмом, что было, вероятно, инспирировано не только запутавшей вопрос рецензией Фреге на работу Гуссерля, но и другими различными заявлениями Фреге (в настоящее время Даммит считает свою прежнюю точку зрения ошибочной (1991, 80)). Вот одно из этих заявлений: «Психологическое рассмотрение логики... с необходимостью ведет к эпистемологическому идеализму. Так как все знание основано на суждении (judgmental), то порваны все связи с объективностью. Это *впадение* физиологической психологии в идеализм наиболее заметно по контрасту с той реалистической точкой зрения, от которой она отпирывалась» (1969, Ц5). Фреге утверждает в этом отрывке, что психологизм ведет не к феноменализму или субъективному идеализму, но к «эпистемологическому идеализму», т. е. к тезису об ограниченности нашего знания идеями, вследствие чего знание не может «достигнуть» реальных объектов вне сознания, а это ведет к разновидности скептицизма. Однако для Фреге более важно то, что психологизм не может обосновать объективность логического и математического познания: «ни логика, ни математика не занимаются исследованием сознания и его содержания, носителем которого является отдельная личность» (1967, 359).

Поэтому я не стану заниматься вопросом о том, был ли Фреге реалистом, как полагает Даммит, или объективным идеалистом, как полагает Ганс Шлуга. Ясно одно: антипсихологизм Фреге вызван стремлением к сохранению объективности логических и математических истин, равно как и отвержением возможности скептицизма по отношению к любому виду познания. Разновидность психологизма, которая приводит к таким разрушительным последствиям, согласно взглядам Фреге, основана на натуралистической философии. Физиологическая психология и эмпирическая психология британских эмпиристов являются двумя теориями такого типа. Ни кантовский, ни гегелевский идеализм не приводят к таким следствиям — в частности, гегелевский, яростно стремящийся полностью отделить категории логики от психологического содержания.

Виды психологизма

Многие авторы пытались построить таксономию различных видов психологизма (см., в частности, DeVoer 1978, особенно 116–17; Seebohm 1991; и Cussins 1987). Не обращаясь к этим попыткам, я начну с различения «натуралистического психологизма» и «трансцендентального психологизма». Применяя термин «психологизм», в основном, по отношению к первому виду, Гуссерль, особенно в *Формальной и трансцендентальной логике*, часто использовал «психологизм» по отношению ко второму обозначенному нами виду психологизма, которого не коснулось его опровержение в *Пролегоменах* (1928, § 28, 38). По-видимому, под «трансцендентальным психологизмом» он понимал разновидность кантовского тезиса о том, что чистые формы логики основаны на *a priori* структуре человеческого разума, поэтому чистая трансцендентальная логика основывается на трансцендентальной психологии. Ниже я вернусь к этой разновидности психологизма, а сейчас перейду к первому виду психологизма — психологизму натуралистическому.

«Натурализм», лежащий, согласно Гуссерлю, в основе натуралистического психологизма, есть метафизический тезис, согласно которому мир состоит из отдельных вещей и ничего более. Эти вещи познаются внешним и/или внутренним восприятием, а психология, основывающаяся на такой теории, будет исследовать каузальные взаимосвязи между отдельными индивидуальными ментальными содержаниями и другими ментальными содержаниями и физическими объектами. Этому натурализму подвержены в равной степени и реалисты, и идеалисты (см. Levinas 1973, xxxvi, 97, 14–15). Следовательно, и феноменалисты, и психофизиологи, и многочисленные психологи могут поддерживать натуралистический психологизм, так как они все исходят из этой точки зрения (см. Margolis 1995, особенно 88–89). И Фреге, и Гуссерль отвергали психологические теории не *per se*, но те из них, которые претендовали стать основанием для логики и математики, а также — только в случае Гуссерля — выступали в роли теорий о природе сознания.

Мы можем выделить различные разновидности теорий, объединенных под общим названием «натуралистический психологизм», взяв за основу фундаментальное понятие, к которому применяется натуралистическая психология. Таким образом, у нас есть

- (А) логический психологизм, т. е. психологизм в отношении логики;
- (В) психологизм в теории значения;
- (С) психологизм в теории истины;
- (D) эпистемологический психологизм; и —
- (Е) психологизм по отношению к метафизике.

В каждом случае существует соответствующий антипсихологизм и, возможно, даже две его разновидности: сильный антипсихологизм и слабый.

Фреге возражал против (А) из-за (С) и, вероятно, полагал, что возражает против (D), но, фактически, это не так. Гуссерль критиковал (А) из-за (D). Ни один из них не интересовался (Е). В этой статье я не буду заниматься (Е), который означает любую попытку использования психологической категории для понимания/интерпретации природы реальности. Хорошим примером в этой категории является характеристика Шопенгауэром реальности, кантовской 'вещи самой по себе', как Воли. Не рассматривая попытки такого рода по построению метафизики на основании психологической теории, позвольте мне кратко объяснить (А) через (D).

Логический психологизм — это теория, кладущая психологию в основу логики. Как многократно отмечалось, существует слабая и сильная разновидность логического психологизма. Я приведу только одно определение, данное Ханна (Hanna 1993): согласно сильному логическому психологизму, все предложения чистой логики (истины, постулаты, аксиомы) с необходимостью содержатся в сознании человека, следовательно, логическая объективность есть ментальный объект. Этот тезис в формулировке Ханна может быть записан в ясном виде как:

- (1) Необходимо ($\forall x$) (x есть предложение логики ... ($\exists y$) (y есть человек & y думает, что x))

Однако заметьте, что « y думает, что x » само по себе позволяет психологистское прочтение, означающее, что, если y думает, что x , то x ментальный объект. Если отрицать это прочтение и предположить, что из « y думает, что x » не выводится с необходимостью, что x ментальный объект, тогда (1) не представляет собой схему сильного логического психологизма. Так как даже если (1) истинно, может быть, что x не является ментальным объектом. Итак, я переформулирую (1) как

- (1*) Необходимо ($\forall x$) (x есть предложение логики ... ($\exists y$) (y есть человек & x есть содержание сознания y))

Слабый логический психологизм в формулировке Ханна выглядит так:

- (2) ($\forall x$) (x есть предложение логики ... ($\exists y$) (y есть рационально мыслящий & y думает, что x))

Заменяя « y есть человек» в (1*) на « y есть рациональный мыслитель» в (2) мы получаем более удачную формулировку, так как (1*) включает в себя антропологизм и релятивизм по отношению к естественным видам (natural kind), а (2) — нет. Вместо этого используется «структурное понятие» «рационально мыслящий».

Что касается Фреге, то мы можем сказать, что он отрицал (1), (1*) и (2). Гуссерль определенно отвергал (1), возможно также и (1*), но никак не (2).

Мы заметили, что «у думает, что *x*» позволяет два прочтения: психологистское и нет. Что касается первого, то это будет «*x* есть содержание сознания *y*»; второго — «*x* есть объект мысли *y*». Можно указать на то, что это имеет отношение к «психологизму в теории значения». Утверждать, что «у думает, что *x*» равносильно «*x* есть содержание сознания *y*» значит использовать психологистскую теорию значений или мыслей, поскольку утверждение, что «у думает, что *x*» равносильно «*x* есть объект мысли *y*» означает предпочтение антипсихологистской теории значения. И Фреге, и Гуссерль отвергали отождествление значений с образами или какими-либо другими ментальными сущностями, для обоих *Sinne*³ есть объективные сущности, трансцендирующие психические переживания (или акты) любого мыслителя.

Можно провести различие между психологизмом по отношению к значению и психологизмом по отношению к «истине». И Фреге, и Гуссерль хотели сохранить идею истины от вторжения психологии: Фреге — потому, что логика для него есть развитие понятия истины, Гуссерль — потому, что для него психологизм ведет к релятивизму по отношению к «истине» и, следовательно, некогерентен. Психологизм по отношению к «истине» ведет, согласно Фреге, к отождествлению «истины» с тем, «что считается истиной». Он отвергал его, не будучи уверен, что сможет опровергнуть. Гуссерль, напротив, много работал над тем, чтобы опровергнуть эту позицию, но признал, что не может переубедить психологистски и релятивистически настроенных мыслителей (Follesdal 1994).

Исходными составляющими «истины» для Гуссерля являются «значение» и «объект». Значения для его теории (и для теории Фреге) — это идеальные объекты, трансцендирующие субъективную жизнь отдельных индивидов. Объекты, по определению, принадлежат к сфере онтологии. Адекватность значений по отношению к объектам есть истина. Сама истина есть не индивидуальное бытие, вещь, событие или факт, но идеальный объект. Даже если бы не существовало разумных существ, которые бы познавали истину, истина оставалась бы в себе тем же, что она есть, она сохраняла бы свое идеальное существование. Она есть «единство общезначимости» во вневременном мире идей. Как говорил Фреге, истина не зависит от суждений человека. Релятивизировать истину — значит релятивизировать бытие, так как «истина» и «бытие» являются коррелятивными категориями (Husserl 1928, 129–32).

³ Смыслы (нем.) — Прим. перев.

Может ли существовать эпистемологический психологизм, отличающийся от трех вышеперечисленных видов? Если, как утверждал Китчер (Kitcher 1979), эпистемология Фреге является психологистической, и если, по предположению, она не противоречит его антипсихологистским тезисам о логике, значении и истине, тогда окажется, что необходимо отличать эпистемологический психологизм от трех остальных видов психологизма. Китчер отмечает, что антипсихологизм Фреге ограничен целью сохранения объективности истины; он направлен как против отождествления значений с субъективными идеями, так и отождествления математических объектов с идеями; антипсихологизм Фреге отрицает взгляд, согласно которому логика занимается налично данным процессом мышления. Однако, согласно Китчеру, все эти антипсихологистские доктрины сравнимы с эпистемологической теорией, основной каркас которой унаследован от кантовского перечня источников знания и типов познания (аналитическое-синтетическое, *a priori*, *a posteriori*). В определенном смысле эпистемология Канта не подразумевает натуралистический взгляд на мир, поэтому я бы сказал, что психологизм эпистемологии Фреге, не является «натуралистическим» в том смысле, в котором мы сейчас рассматриваем этот термин.

Гуссерль также хотел избежать натуралистической эпистемологии. Левинас определяет основную идею натуралистической эпистемологии так: она «помещает субъект и объект в один и тот же мир, который она называет природой, и изучает их отношения как каузальные», (1973, 15). Гуссерлю нужно было переформулировать проблему знания более радикально — в этом смысле Фреге был ближе к Канту, тогда как Гуссерль, будучи кантианцем в очень общем смысле, отвергал идею Канта о «способностях» и «источниках» познания, равно как и его таксономию суждений. Идеи интенциональности, придания значения (*meaning fulfillment*), очевидности, конституирования, его эпистемологической проблемы и ее решения — все это еще носит отпечаток психологизма, хотя и не натуралистического типа.

И Фреге, и Гуссерль знали об эпистемологических дискуссиях в некантианских школах, особенно о дискуссии в рамках марбургской школы. Герман Коген отрицал психологизм в пользу объективной теории познания. Программа Когена была предназначена для объективного обоснования факта существования науки. Наторп, в своей знаменитой работе *О субъективных и объективных основаниях знания* (1887) показал превосходство объективного типа обоснования наук над субъективным в силу того, что бытие объекта значимо вне зависимости от субъективности. Объект, для Наторпа, равен закону, что опять отсылает к процессу объектификации в науке. Научный объект конституируется постольку, поскольку его явления подчиняются законам; последнее основание науки лежит в самой *Ge-*

*setzlichkeit*⁴. Так называемому «субъективному обоснованию» не хватает «фундаментальной научности» и «взгляда первоначал». Но одобрив чисто объективный взгляд на логику в *Прологемах* Гуссерля, Наторп отверг дальнейшие гуссерлевские разработки феноменологического основания логики как поворот к психологизму.

Здесь важно задаться вопросом, как все эти формы психологизма и антипсихологизма взаимосвязаны или взаимозависимы. Для Гуссерля они все являются частями целого. Логика имеет дело с идеальными значениями слов и предложений и, поскольку логика связана с истиной, истина тоже должна быть объективной. Отвергая психологизм в этих трех областях, вероятно, все же можно впасть в разновидность эпистемологического психологизма, как происходит при формулировке эпистемологической проблемы в терминах обоснования мнений (justification of beliefs).

Антипсихологические аргументы Гуссерля: резюме

Гуссерль дает самую широкую и доскональную критику психологизма из всех, что можно найти в философской литературе. Основная часть этой критики сконцентрирована в главах 4–8 *Прологем*, но критика рассеяна и по всему тексту *Логических Исследований*. Критика психологической теории значения содержится в *1-м Исследовании*, где Гуссерль доказывает необходимость различать между психологическими содержаниями (образами, сопутствующими интуициями и/или чувствами) переживаний понимания или выражений, используемых содержательным образом, и их логическими составляющими; а также между актами придания значения и самим значением, между актами суждения и предложениями, утверждаемыми или отрицаемыми, между актами умозаключения и силлогизмом, между обладанием идеей и включением в нее понятием. Такие термины, как «идея», «суждение», «подтверждение», «отрицание» и «следование» расценивались в качестве психологических или «имеющих психологический оттенок», любая чистая теория должна быть свободной от них. Ученый утверждает некоторые предложения, но отмечает, являются ли они истинными или ложными: «положения суть для него предпосылки и положения суть для него следствия» (1928a, Bd. 2, Inv. I, § 29)⁵. Подытожим вышесказанное: «В своем объективном содержании любая наука как теория конституируется из этого единого гомогенного материала; она есть идеальный комплекс значений»⁶, где значения есть «идеальные единства» (§ 29)⁷. Тогда мы можем сказать, что если

⁴ Закономерность (нем.) — Прим. перев.

⁵ Гуссерль Э. Логические Исследования. Т. 2. М., 2002. С. 95.

⁶ Указ. соч. С. 96.

⁷ Указ. соч. С. 93.

сама психология может стать теорией, то она должна содержать такие идеальные значения (понятия и предложения), но не «психологический материал».

Критика Гуссерлем психологистской теории истины содержится в §§ 24, 36, 39 и 50 *Пролегомен*. Везде в отмеченных параграфах, в опровержении релятивизма общего или частного вида (общий, как полагает Гуссерль, содержит в себе психологизм) и, в опровержении того, что он называет «антропологизм» (Зигварта и Эрдманна), он пользуется одним и тем же аргументом: релятивизм не может быть когерентен. Позже я вернусь к этому обвинению в некогерентности. Пока же обратимся к заявлению, что «Никакая истина не есть факт, т. е. нечто, определенное во времени» (1928b, § 24)⁸. Гуссерль не отрицает, что существуют изменения, поэтому он добавляет: «Но сама истина выше всего временного, т.е. не имеет смысла приписывать ей временное бытие, возникновение или уничтожение» (§ 24)⁹. То, что в Эмблере идет дождь во время t_1 – истинно, и эта истина сама по себе не принадлежит времени; истина находится вне времени. Вневременность истины, как полагает Гуссерль, превращает любую релятивистскую и, следовательно, психологистскую теорию истины в абсурд. Но почему это должно быть именно так, он не объясняет.

Опровержение психологизма в логике становится легче для Гуссерля, как только показано, что истина и значение есть идеальные сущности, а значит, не реальные вещи (индивидуированные временем и психической жизнью отдельной личности). Уже в *Пролегоменах*, как это видно по критике, Гуссерль искал средний путь между психологизмом и антипсихологизмом, признавая, в то же время, что истина скорее на стороне антипсихологизма (1928b, § 20). Глава 3, в которой содержится обзор аргументов и контраргументов двух партий, показывает, что антипсихологистски настроенные логики ошибались, полагая возможным опровергнуть психологизм указанием на нормативное понятие логики (это был один из аргументов Фреге против психологизма) (Frege 1964, xvi). Фактически, может показаться, что симпатии Гуссерля находятся на стороне психологистски настроенных логиков, считавших, что *долженствование* зависит от *существования*. Однако психологистски настроенный логик, полагая логику техникой, *Kunst*, приводит доводы в пользу того, что никакая техника не может быть независима от каузальных связей. Гуссерль в то же время использует «долженствование предполагает существование» для утверждения о том, что каждая нормативная дисциплина предполагает теоретическую дисциплину. Нормативное предложение «*A* должно быть *B*» предполагает теоретическое предложение «*A*, не являющееся *B*, есть плохое *A*». В этом смысле нормативная логика предпола-

⁸ Гуссерль Э. *Философия как строгая наука*. Новочеркасск, 1994. С. 230.

⁹ Указ. соч. С. 230.

гает «чистую логику». С точки зрения Фреге, различение идеального и нормативного не необходимо. Гуссерль же, напротив, не только проводит между ними различие, но и, основывая нормативное на идеальном, более успешно преодолевает психологизм.

В главе 4 *Прологомен* представлены выводы из психологистской позиции. Во-первых, так как психология является эмпирической наукой, то ее законы не могут быть точными. Законы логики, напротив, точны. Психологизм в теории логики приведет к абсурдному следствию, а именно к потере законами логики их точности и недвусмысленности. Во-вторых, ни один закон природы не может быть познан *a priori*; они устанавливаются индуктивно. Напротив, законы логики устанавливаются *a priori* благодаря «аподиктической очевидности» (к этой идее я вернусь позже). Психологизм стирает это различие. В-третьих, психологизм истолковывает законы логики, такие как известный принцип исключенного третьего, как законы природы, каузально управляющие человеческим мышлением. В то же время невозможно установить каузальный закон при помощи аподиктической очевидности. Более того, для того, чтобы иметь каузальное воздействие на мышление, закон должен быть суждением или представлением, т. е. психической сущностью, однако такое предположение уже смешивает различие между законом и мышлением, или познанием закона. Более уместно сказать, что здесь смешивается отличие закона как части каузального взаимоотношения от закона как правила, управляющего каузальными связями. Чтобы пояснить последнюю разновидность ошибки на примере, Гуссерль представляет идеального индивида, чье мышление полностью следует «требованиям законов логики», или счетную машину, чьи процессы могут быть объяснены каузально при помощи обращения к ее внутреннему устройству, управляемому законами природы, соответствующими арифметическим законам. Однако ни идеальный мыслитель, ни машина не мыслят в согласии с законами. В конечном итоге никакой логический закон не предполагает существования индивидов, обладающих психическими переживаниями наподобие процесса суждения. Законы относятся к истинам, но истины не есть факты (*Prolegomena* § 23).

В главах 5 и 6 Гуссерль рассматривает некоторые отдельные попытки (в особенности Милля и Зигварта) дать психологистскую интерпретацию законам логики — в частности, принципу исключенного третьего и принципам построения силлогизмов — и доказывает, что это толкование должно быть отвергнуто. Например, Гуссерль задает вопрос: если закон исключенного третьего рассматривается как эмпирический закон или закон психологии, и для нас невозможно поверить в явное противоречие, то что имеется в виду под *невозможно* в этом высказывании и каковы обстоятельства, в которых противоположные мнения не могут существовать одновременно? Можно сказать нечто вроде «в отдельном сознании», «в нормальном сознании» или

«в сознании разумного человека», но все это будет слишком расплывчатым, чтобы быть включенным в формулировку закона. В основном, психологистская интерпретация попросту заменяет «неодновременную истинность двух контрадикторных высказываний» на «неспособность придерживаться контрадикторных мнений».

В главе 7 психологизм интерпретируется как ведущий к релятивизму; проводится различие между двумя видами релятивизма, индивидуальным и видовым (*specific*), а также предпринимается попытка опровергнуть каждую из этих разновидностей. Видовой релятивизм становится антропологизмом, если рассматривать только человечество. Что касается индивидуального релятивизма, то Гуссерль признает невозможность его опровержения, так как «опровержение же предполагает как опору известные самоочевидные и тем самым общеобязательные убеждения» добавляя, что содержание утверждения релятивиста («истинно» есть всегда «истинно для меня») противоречит «тому, что вообще принадлежит к смыслу или содержанию каждого утверждения» (если истинно, то истинно для всех) (1928b, 35)¹⁰. Является ли это опровержением? Что если индивидуальный релятивист не принимает абсолютную значимость принципа противоречия, или принцип, что каждое суждение, если оно истинно, то истинно для всех? Что если релятивист этого типа вообще не признает понятия *высказывания*?

Как и в случае с видовым релятивизмом, Гуссерль доказывает, что тезис противоречит своему собственному смыслу, заключающемуся в том, что «истина для этого вида, например, человеческого рода» является абсурдной идеей, а релятивист придает словам *истина* и *ложь* новые значения. Однако этот аргумент предполагает бесспорным именно то, что релятивист отрицает, а именно, «истина» обозначает «абсолютную истину». Тезис антрополога «Если бы не было такого частного специфического внутреннего устройства (например, внутренней организации человеческого типа), то не было бы и истины» рассматривается Гуссерлем как столь же абсурдный, как и его следствие «Не существует истины», эквивалентное «Существует истина, что истины не существует» в то время как antecedent — отрицание факта, и поэтому ложен, но не абсурден. Таким образом, тезис выводит абсурдность из содержательного antecedenta.

Пьер Адлер (Adler 1993) разделил два вида критических аргументов, выдвигаемых Гуссерлем против психологизма-релятивизма. Один из них — это то, что Адлер называет «онтологической критикой», согласно которой психологизм путает реальные законы с идеальными. Другой вид он называет «лингвистической критикой», которую можно также называть «прагматической критикой», так как некогерентность, которую выявляет Гуссерль, относится не к логическим, а к

¹⁰ Указ. соч. С. 258.

лингвистико-прагматическим аспектам. Мне кажется, что Гуссерль выдвинул под этим общим наименованием два вида критических аргументов, один логический («Логика есть теория всех теорий и не может основываться на другой теории, например, психологии») и один прагматический («Релятивист не может утверждать свой тезис»).

Из вышеизложенного кажется ясным одно. Критика Гуссерлем логического психологизма, даже в том случае, когда ее сила неоспорима, предполагает онтологический дуализм реального и идеального, который Гуссерль пока, в *Пролегоменах*, не ввел. Вот почему у внимательного читателя создается впечатление, что ответ заранее известен, а именно в посылках используется то самое различие между логикой и психологией, которое еще нужно доказать. В *1-м Исследовании* Гуссерль показывает, что значения должны быть идеальными сущностями; позже, в *3-м и 4-м Исследованиях*, он показывает, почему законы логики должны быть аналитическими (и в каком именно смысле). Я полагаю, что наиболее сильные аргументы Гуссерля — это те, которые указывают на некогерентность в психологистской и релятивистской позициях. Эти аргументы все еще сохраняют свое значение против психологизма, даже не использующего ту разновидность эмпирической психологии, которую подразумевали как Гуссерль, так и Фреге. Указание Гуссерля на то, что, если математика основывается на логике, то любая психология, которая, подобно современной когнитивной науке, использует математические методы, не может быть основанием для логики, все еще имеет значительную ценность. Тем не менее нужно признать, что в *Логических исследованиях* Гуссерль опроверг не все типы релятивизма, но только те, которые были следствиями той разновидности психологизма, против которой он боролся.

Реакции на антипсихологизм Гуссерля

Прежде чем кратко резюмировать реакции на антипсихологизм Гуссерля¹¹, я отмечу, что важное различие между логикой и психологией было впервые проведено не Фреге или Гуссерлем, но Кантом: «Чистая логика... [не содержит] эмпирических принципов» и «не черпает... ничего из психологии» (Kant 1787, В78). Кант писал также: «Если мы заимствуем принципы из психологии, т. е. из наблюдения за нашим рассудком, ... это приведет к познанию лишь 'случайных' законов. В логике, однако, речь идет не о случайных, но о необходимых правилах; не о том, как мы мыслим, а о том, как мы должны мыслить» (Kant 1800, 334). Здесь Кант обращается к нормативному понятию логики. Ранее я упоминал отрицание Гегелем психологизма. Герbart

¹¹ Кусх дал широкий обзор реакций на аргументы Гуссерля в своей статье «The Criticism of Husserl's Arguments against Psychologism in German Philosophy 1901–1920» Kusch (1994).

и Лотце — два ведущих философа после Гегеля, также отрицавшие психологизм. Вот что писал Герbart: “В логике необходимо абстрагироваться от всего психологического, поскольку здесь должны рассматриваться только те формы возможной связи мыслей, которые позволяет специфическая природа мысли” (1891, 68). Что касается Лотце, то его влияние на Гуссерля в этом вопросе общеизвестно (Husserl 1938, 128f.).

Современниками Гуссерля, помимо тех, кто приветствовал *Прологомены* с энтузиазмом, антипсихологизм был встречен со смешанными чувствами и разного вида критикой. Некоторые находили недостатки в его концепции психологии, другие — в концепции логики. Одни приветствовали его антипсихологизм, но выражали надежду на то, что когда логика и психология уже будут отделены друг от друга, они вновь будут связаны удовлетворительным образом. Другие находили аргументы Гуссерля против психологизма недостаточными. Находились и те, кто сожалел о том, что сам Гуссерль впал в психологизм. Были и философы, критиковавшиеся Гуссерлем за психологизм, но отвергавшие такое определение по отношению к себе.

К последней группе принадлежали такие фигуры, как Brentano и Шуппе. Конечно, Гуссерль воздерживался от оскорбления своего учителя, характеризуя его взгляды как (в уничижительном смысле) психологистские, но тот факт, что Brentano был вынужден защищаться от такой атаки, показывает, что Brentano подозревал скрытые интенции Гуссерля касательно этого вопроса¹². Шуппе уже в 1879 году писал, что задача логики состоит в отделении чистых *Gedankemente*¹³ не только от их лингвистических одеяний, но и от актов мышления (2-e ed., 1910, 1–3). Следовательно, он тоже отрицал определение своей позиции Гуссерлем как психологистской. Бенно Эрдманн соглашался с гуссерлевой критикой, поскольку сам не слишком корректно описал свои взгляды и недостаточно четко отделил логику от психологии. Тем не менее, как он добавил, Гуссерль полностью его не понял и поэтому, не решая сразу, кто прав в этом случае, он оставил право решать «непредвзятым представителям молодого поколения» (Erdmann, 1907, Vd. 1, pp. 532–33 fn.).

Наиболее негативный ответ пришел от Вундта (Wundt 1910). Тот соглашался, что не знает, кто ввел в обиход слово «психологизм», но слово «логицизм» ему казалось более современным. Вундт проследил корни психологизма до британского эмпиризма, в то же время рассматривая логицизм как позицию столь же древнюю, как и вся спекулятивная метафизика. Он пришел к выводу, что программа Гуссерля заключалась в том, чтобы изгнать психологизм не только из

¹² По поводу мнимого психологизма Brentano см. Chisholm, *Brentano's Descriptive Psychology*, 1977, особенно p. 98.

¹³ Элементов мысли (нем.) — Прим. перев.

логики, но и из психологии (569), поскольку в конечном счете критика Гуссерля направлена против рационалистической психологии. Далее он критикует введенное Гуссерлем понятие психических феноменов как актов. Для него такое понятие акта абсолютно формально и бессодержательно, а Гуссерль виноват в использовании «необоснованных с научной точки зрения понятий вульгарной психологии» (579). Как и «дескриптивная психология» Гуссерля, его чистая логика — схоластична и занимается только значениями слов. Так называемые идеальные значения Гуссерля — это его собственные создания. Не существует никакого инвариантного значения. Единственное достоинство, которое Вундт готов признать за Гуссерлем, своим давним студентом, — это прекрасные способности критика: «В разрушении равного ему нет» (608). Но он не придает никакого значения позитивной программе Гуссерля, за исключением обращения к очевидности; но сама очевидность есть переживание и поэтому тоже является психологическим феноменом.

Будучи обвиненным в психологизме, Зигварт также защищался от критики Гуссерля (Sigwart 1911). Против критических аргументов Гуссерля, что, по Зигварту, «истина» предполагает разум, считающий ее истинной, Зигварт выдвинул возражение, что истинность или ложность, в первоначальном смысле этих слов, может быть приписана только утверждению или мнению, и что утверждение или мнение с необходимостью предполагает разум со способностью мышления. Гипостазировать высказывания в качестве автономных сущностей значит создавать мифологию (24). Если суждение еще не было вынесено (как, например, закон тяготения до Ньютона), то оно не является ни истинным, ни ложным. Зигварт риторически восклицает: «Можно ли сказать о неродившемся человеке, что он здоров, раз он не существует, потому что ведь заболеть он только потом?» (24–25).

Одновременно с этим, Зигварт задается вопросом (к которому я вернусь ниже), а именно: если процесс «психологического» мышления не ведет к логическому познанию, то каким же образом мы приходим к познанию логики? Позиция Гуссерля ведет к признанию двух видов сознания — эмпирически-наличного (полностью независимого от законов логики) и идеального (познающего вневременные истины). Если так, то каким образом одно может достичь другого? Как он указывает, Гуссерль использует понятие психологии, подразумевающее изучение психической жизни, протекающей по каузальным законам, и таким образом приходящей только к весьма неопределенным обобщениям. Она не изучает самосознание и не обнаруживает в нем сознание логической необходимости. Гуссерль сам строит ветряные мельницы, чтобы сражаться с ними: «он потом воинственно бросается на борьбу с ними» (Sigwart 1911, 25). В то же время Гуссерль утверждает, что достоверность логических законов является *Erlebnis* (переживанием). Не является ли *Erlebnis* эмпирическим фактом из сферы

психологии? Не является ли то, что мы переживаем во времени свидетельством о конкретном состоянии сознания?

В своей рецензии на книгу Гуссерля Наторп (1977), признавая значение антипсихологистских аргументов Гуссерля, в то же время задается вопросом, можно ли исходить в философской позиции из абсолютного разделения реального и идеального, психологического и логического, которое предлагает Гуссерль. Соглашаясь с Гуссерлем в его концепции чистой логики, Наторп сомневается в том, что чистая логика должна быть логикой формальной. С его точки зрения, чистая логика также должна быть и материальной, как, например, трансцендентальная логика Канта. По поводу этого вопроса нужно вспомнить, что чистая формальная апофатическая логика Гуссерля исходит из чистой логической грамматики, которая, в свою очередь, не является чистым синтаксисом, но также должна содержать материальные примеры, такие как «добродетель зелена». Для этой цели чистая логическая грамматика должна указывать на то, какие материальные понятия сопоставимы друг с другом, а какие — нет. Последнее правило должно основываться на том, как структурирован мир, как Гуссерль это признал в *Формальной и трансцендентальной логике*. Вдобавок, Наторп приписывает Гуссерлю стремление к обнаружению психологизма даже у открыто антипсихологистских авторов, отмечая: «Если страстно желать найти психологическое, то можно обнаружить его повсюду, даже у Гуссерля». Стоит только вспомнить употребление Гуссерлем таких понятий, как озарение (*insight*) и очевидность (*evidence*). Конечно же Наторп отвергает прочтение Гуссерлем Канта как психологиста на том основании, что так называемая «трансцендентальная психология (душевных способностей)» является в то же время и психологией. Однако главная претензия Наторпа к Гуссерлю такова: Гуссерль оставил все затронутые им проблемы неразрешенными.

Отделив логику от психологии, Гуссерлю нужно по-новому указать на их взаимосвязь. В противном случае, материальное, эмпирическое, психологическое, т.е. все реальное, останется «непознаваемым, иррациональным остатком» (Natorp 1977, 65). Гуссерлю необходимо объяснить, «почему самое глубокое исследование строения объективности не может избежать также и исследования субъективности» (66).

Некоторые современные интерпретации

Я рассмотрю только трех недавних комментаторов. С одной стороны, это Даллас Уиллард и Барри Смит, чье в высшей степени интересное прочтение Гуссерля показывает, почему несмотря на использование теории значения, основанной на актах, Гуссерлю все же удастся избежать психологизма. С другой стороны, это Майкл Даммит. Он считает, что основанная на актах теория значения Гуссерля при-

водит не только к психологизму (который он отрицает в полном согласии с Фреге), но и к некоторым серьезным проблемам.

Уиллард (1977) формулирует «парадокс логического психологизма», включающий два противоречащих друг другу утверждения: (i) истины логики являются истинами о частных представлениях, выводах и так далее, отдельных субъектов; и (ii) они не черпают свое подтверждение из исследования этих ментальных событий. Решение Гуссерля заключалось в утверждении, что такие сущности, как суждения (идеальные значения в общем смысле) относятся к отдельным актам (актам суждения, например, в которых и выносятся данное суждение) точно так же, как вид 'красное' относится к отдельным случаям красного цвета. Тогда суждения будут не актами мышления, но тем, что Уиллард называет «комплексными референциальными характеристиками, или качествами, таких актов». Решение парадокса тогда заключается в том, что истины логики говорят не о самих актах в первую очередь, но об определенных универсальных характеристиках этих актов. Истины, таким образом, приложимы к актам и выводятся из исследования этих актов — будучи в то же время строго универсальными. В более поздней работе Уиллард пишет: «Для Гуссерля обозначение никогда не является объектом акта... Скорее, им являются интенциональный характер или свойство акта или выражения» (1994, 256). Акт не направлен на свой смысл, но экземплифицирует его.

Барри Смит (1994) разработал сходную интерпретацию идей Гуссерля. (Отметим, что и Уиллард, и Смит предпочитают ту теорию значения, которую Гуссерль представил в первом издании *Логических исследований* и которую он очень скоро отбросил в пользу своей знаменитой концепции ноэмы.) Сравнивая конкурирующие стратегии по преодолению психологизма Фреге и Гуссерля, Смит ставит следующие вопросы перед обоими мыслителями: Во-первых, каким образом независимые от сознания смыслы связаны с психологическими актами сознания? Во-вторых, как мы схватываем смыслы? В своем ответе на эти два вопроса он использует тот же способ, которым Гуссерль связывает смыслы с ментальными актами. Ментальные акты являются сложными событиями, которые могут быть многими способами разделены на различные части. Помимо таких частей, как чувственные содержания и *Auffassungsmomente*, существует также часть, представленная самим актом (act-part), который есть не что иное, как направленность на объект. Смысл является универсальным видом, представленным в таких актовых частях (act-part) (из многих различных актов, одинаково направленных на один и тот же объект). Следовательно, ментальные акты подчиняются соответствующим законам, точно так же как геометрические законы руководят реальными пространственными формами.

Даммит (1991) сомневается, что используя основанную на актах теорию значения Гуссерля, можно объяснить то, как схватываются истины логики и как логика применяется к ментальным актам. Вспоминая

широко известное раздражение Фреге на «тайну», окружающую идею «схватывания» мысли, Даммит признает, что «Фреге сбивается с истинного пути именно в принятии мыслей в качестве объектов ментальных актов» (253). В свою очередь Фреге должен был бы сказать, что это скорее те способы, которыми нам даны вещи. Это определенно является значительным развитием более ранней точки зрения Даммита, согласно которой Фреге избегает психологизма в силу того, что концентрируется на языке (в согласии с витгенштейнианскими взглядами Даммита на языковую практику), в то время как Гуссерль сосредотачивает свои усилия на актах. Даммит должен был бы предугадать что, делая значения зависимыми от языковой практики, мы приходим к тому, что Гуссерль называл «антропологическим», или «видовым», релятивизмом. Но сейчас Даммит признает, что «и Фреге, и Гуссерль потерпели поражение в попытке провести абсолютное различие между логическим и психологическим». Таким образом, «они лишили себя возможности объяснить, что же это такое — схватить мысль» (256).

По поводу утверждения Уилларда и Смита о том, что теория значения, разработанная Гуссерлем в первом издании *Логических исследований*, решает данную проблему «схватывания», мы должны задать вопрос: если акт придает смысл, то как он может схватить ту универсалию, которой придается смысл? Очевидный ответ Гуссерля гласит: «при помощи рефлексии». Дорефлексивный акт ориентирован на объект; он схватывает смысл, только рефлектируя свою направленность на объект. Он не схватывает смысл с самого начала. Здесь Гуссерль использует более осторожную формулировку, чем Фреге.

Проблема логического познания

Проблема того, что называется «логическим познанием» состоит не в том, как возможно схватить такие идеальные (или абстрактные) сущности, как суждения (чем занимался Фреге, однако Смит и Уиллард обнаружили убедительное решение этой проблемы у Гуссерля), но в том, как схватываются истины логики. Гуссерль занимался более второй, нежели первой проблемой. Очевидно, однако, что первая проблема лежит в основании второй. Сознание должно быть способным схватить суждения в рефлексии до того, как сможет познать истины логики, так как истины логики есть либо истины, выраженные в суждениях, либо с помощью суждений. По отношению ко второй проблеме логического познания, можно указать работу Ханна «Логическое познание: *Прологомены* Гуссерля и истина в психологизме» (“Logical Cognition: Husserl’s *Prolegomena* and the Truth in Psychologism”, 1993), которая является, по видимому, лучшим анализом и защитой теории Гуссерля.

Ханна полагает, что Гуссерль отвергал сильный логический психологизм в пользу слабого. Согласно слабому логическому психологизму (которого, в формулировке Ханна, придерживался Гуссерль):

- (2) $(\forall x)(x \text{ есть предложение логики } \supset M (\exists y) (y \text{ есть конечный рационально мыслящий } \& x \text{ есть объект мышления } y))$ (учитывая те изменения, которые я представил ранее в [2]).

Отметьте, что «предложение логики» здесь не является просто любым суждением или мыслью, которую может схватить сознание, но истиной логики. (Однако можно обобщить этот тезис так, чтобы он включал в себя любое суждение или мысль: если x есть мысль, тогда необходимо существует возможность, что существует конечный рациональный мыслитель, который мыслит ее). Согласно Ханна, Гуссерль считал, что только неэмпирическая или рациональная интуиция (*insight*) влечет за собой очевидность, являющуюся, с рациональной точки зрения, решающей для веры в логическую истину. Переживание самоочевидности, как утверждает Гуссерль в *Прологеменах* (1928b, §51), не гарантирует истинности суждения. Однако если суждение истинно, тогда необходимо существует возможность для некоторого рационального мыслителя обладать переживанием ее самоочевидности. Если суждение является случайной фактической истиной, переживание самоочевидности будет связано с эмпирическим восприятием; если суждение есть логическая истина, тогда переживание ее самоочевидности должно быть связано с рациональной, неэмпирической интуицией. Это означает, что все логические истины мыслимы при помощи рациональной интуиции, но не необходимо, чтобы существовал кто-то, обладающий этой рациональной интуицией. Ясно, что Гуссерль отверг бы утверждение эмпиристов о том, что все знание обосновывается обращением к индуктивному обобщению на основании эмпирических свидетельств. Последний тезис не подходит для объяснения модального знания.

Важно также то, что обращение к интуиции не означает возвращения к психологизму; интуиция не равнозначна выведению логических истин из психологических переживаний. В силу тех же причин не равно психологизму и выведение эмпирических истин из эмпирического восприятия. Во-первых, считается, что это не теория истины, но эпистемологическая теория того, как истина дается в опыте, поэтому опасения в психологизации истины необоснованы. Во-вторых, тезис 2 задуман как концептуальная истина, а не случайная истина о сознании людей (Husserl 1929b, §50). Он не является индуктивным обобщением.

Задачи Гуссерля

Гуссерлю необходимо

- (1) после того, как идеальность логического доказана, обнаружить обоснованный способ соединения логического и психологического;

- (2) иметь теорию нашего познания логического;
- (3) иметь теорию того, как истины логики применяются к ментальным актам суждения, умозаключения;
- (4) разработать непсихологистскую теорию очевидности (а, следовательно, и познания, и истины); и
- (5) быть способным к преодолению натурализма более радикальным способом, нежели это было сделано в *Прологоменах*.
- (6) также ему нужно более серьезно рассмотреть трансцендентальный психологизм Канта, чтобы показать, как и почему, если объективность конституируется в субъективности, не существует субъективности без объективной направленности. Для этой цели ему нужна
- (7) удовлетворительная теория отношений между трансцендентальным и эмпирическим;
- (8) также ему нужно обосновать то, что субъективное не является в силу своей субъективности психологическим (или даже нейрофизиологическим), но психологическое является только одной из интерпретаций субъективной жизни сознания. Психологизм может быть преодолен, только когда будет обнаружен источник этой интерпретации.

Поэтому неудивительно, что в своих работах после *Прологомен* Гуссерль ищет более глубокого способа понимания и преодоления психологизма. Такое преодоление будет иметь решающий характер, если оно покажет логически (или прагматически) некогерентные следствия психологизма, а также если оно раскроет исторические источники натуралистической интерпретации психической жизни. В *5-м Логическом исследовании* (1928а, Inv. 5, § 27) он говорит о «психологической апперцепции», которая должна быть преодолена при помощи феноменологической сущностной интуиции того вида переживаний, которые подлежат исследованию. В предисловии ко второму изданию *6-го Исследования* он пишет, что «гротескный упрек» во впадении в психологизм, который ему предъявили критики, происходит от невнимательного чтения главы «Априорные законы адекватного и неадекватного мышления» (1928а, *Vogwort*, Vd. II, Teil II). Здесь Гуссерль утверждает, что законы логики выполняются при соотнесении категориальной интуиции и интендированных положений дел и служат нормами адекватного мышления. Эти законы не основаны на «нашей» психической организации. Они коренятся в сущностях актов-видов и актов-форм. «Что кажется несовместимым *in specie*¹⁴, не может быть рассматриваемо совместно и считаться сравнимым в эмпирических случаях» (1928а, Inv. 6, § 64).

В *Формальной и трансцендентальной логике* Гуссерль снова обращается к психологизму. Он пишет, что логические исследования уста-

¹⁴ В виде (лат.) — Прим. перев.

новили объективность идеальных структур против психологической «пере-интерпретации» (1969, § 56). Он явно показывает, что в *Прологоменах* психологизм рассматривается как нечто чистое и простое, такой психологизм никогда не был «тематизирован». Скорее, вся эта дискуссия связала психологизм с одним вполне определенным смыслом, а именно, психологизацией идеальных смыслов, являющихся предметом исследования логики. Он признает, что в то время он не полностью преодолел «универсальный эпистемологический психологизм». Но теперь он способен радикально преодолеть «трансцендентальный психологизм».

Здесь я не буду описывать решение этих проблем Гуссерлем. Однако рискну предположить, что все последующее развитие его мысли в сторону трансцендентальной феноменологии — с методом *epochè*, идеей ноэтико-ноэматиической корреляции, идеей конституирования — основывалось на различных попытках решения проблем, вставших в связи с психологизмом, равно как и на попытке обнаружения убедительной связи между реальной жизнью сознания и идеальными значениями.